

Семантика глаголов однонаправленного движения с префиксом ПО- в свете теории Л. В. Щербы об эксперименте в языкознании

© кандидат филологических наук А. А. Караванов, 2000

Как известно, глаголы движения с префиксом ПО- образуют видовые пары по особому правилу. Если общее для всех других префиксов правило состоит в том, что префикс в соединении с "однонаправленной" основой образует глагол совершенного вида (СВ), а в соединении с "разнонаправленной" основой — парный ему глагол несовершенного вида (НСВ) (например: *войти : входить, подвезти : подвозить, улететь : лететь* и т. д.¹), то в случае с префиксом ПО- это правило не действует: глаголы *пойти : походить (повезти : повозить, полететь : полетать* и т. д.) видовыми парами не являются. В данном случае, видовые пары выглядят следующим образом: *идти : пойти, везти : повезти, лететь : полететь* и т. д.² Все это можно представить в таком виде:

войти : входить ≠ *пойти : походить*;
но *войти : входить* = *пойти : идти*.

Таким образом, из всех глаголов СВ, образованных присоединением префикса к "однонаправленной" основе, только глаголы с префиксом ПО- образуют видовую пару с исходным бесприставочным глаголом. Отчего это происходит? Ответ, кажется, очевиден: все другие приставки, кроме того, что они перфективируют глагол (т. е. переводят его в СВ), сообщают ему также и некоторое дополнительное лексическое значение, которого не было в исходной основе (например, приставка В-сообщает исходной основе значение достижения пространственного предела, вследствие чего глагол *войти* уже не может являться видовой парой исходного *идти*; *войти* образует видовую пару с глаголом *входить*). Что же касается префикса ПО-, то он только перфективирует

¹ Хотя, конечно, следует иметь в виду, что в некоторых видовых парах основа исходного "разнонаправленного" глагола при соединении с префиксом несколько видоизменяется: ср. видовую пару *приехать : приезжать* при исходной паре *ехать : ездить* или видовую пару *уплыть : уплывать* при исходной паре *плыть : плавать*.

² Мы придерживаемся критерия видовой парности, предложенного Ю. С. Масловым: если при переводе повествования в плоскость исторического настоящего предложение сохраняет корректность, значит, мы имеем дело с видовой парой [1]. Глаголы *идти : пойти, везти : повезти* и т. д. вполне соответствуют этому критерию. Так, совершенно корректной выглядит следующая трансформация: Он узнал этого человека и *пошел* за ним → Он узнает этого человека и *идет* за ним; следовательно, *идти : пойти* — это видовая пара.

исходную основу, не сообщая ей никакого дополнительного лексического значения, вследствие чего глагол *пойти* образует с исходным *идти* видовую пару. Однако в связи с этим встает другой вопрос: означает ли это, что в видовых парах типа *пойти : идти, повезти : везти* и т. д. префикс **ПО-** является чистовидовым — таким же, как, например, в видовых парах *строить : построить, красить : покрасить* и т. д.? Если да, то это кажется парадоксом, поскольку во всех других случаях префикс, соединяющийся с "однонаправленной" основой, имеет отчетливое пространственное значение, что неудивительно, так как все пространственные префиксы возникли из пространственных предлогов. Во многих случаях эта связь с конкретным предлогом и в современном языке остается достаточно "прозрачной", о чем свидетельствуют такие, в частности, примеры, в которых пространственный предлог семантически согласуется с одноименной пространственной приставкой: *войти в комнату, зайти за угол, съехать с горы, доплыть до берега, наехать на бордюрный камень* и т. д. Если же считать, что префикс **ПО-** все-таки является не чистовидовым, а пространственно-видовым (как и все остальные префиксы, соединяющиеся с "однонаправленными" основами), то в чем тогда состоит его пространственное значение?

Полагаем, что префикс **ПО-** в глаголах движения типа *пойти* (т. е. производных от моторно-некратных основ), а также в глаголах типа *помчаться* (производных от основ, не знающих противопоставления по признаку "одно-/разнонаправленности") выражает значение однонаправленного движения. Префикс **ПО-**, возникший, как нам кажется, из одноименного пространственного предлога (подробнее см. [2]), сохраняет свою соотнесенность с этим предлогом и в современном русском языке (например: *поехать по шоссе, поплыть по течению, помчаться по дороге* и т. д.). Однако следует иметь в виду, что факт соотнесенности префикса **ПО-** с одноименным предлогом еще не позволяет утверждать, что значение однонаправленного движения входит в семантику самого префикса (если бы мы утверждали это, мы фактически переносили бы на префикс значение исходной основы и контекста в целом). Точным доказательством в данном случае может являться только лингвистический эксперимент — метод, выдвинутый и обоснованный Л. В. Щербой [3].

Мысль о наличии значения "однонаправленности" в семантике префикса **ПО-** указанных глаголов впервые была высказана Е. А. Земской [4], а затем развита Л. П. Демиденко [5] и И. И. Щеболевой [6].

На первый взгляд, вопрос об "однонаправленной" семантике префикса **ПО-** глаголов движения является искусственным, поскольку сама исходная основа заведомо выражает здесь семантику "однонаправленности". Однако сказанное верно лишь в отношении моторно-некратных

глаголов (так, в этом смысле некорректность фразы **он пошел из угла в угол* на фоне корректности фразы *Он заходил из угла в угол* ничего не доказывает, поскольку в глаголе *пойти* сама исходная основа несовместима со значением "разнонаправленности", а этого уже достаточно для обоснования причины некорректности первой из двух приведенных фраз). Что же касается глаголов движения с приставкой **ПО-**, исходная основа которых не охвачена противопоставлением по признаку "одно-/разнонаправленности", то здесь лингвистический эксперимент позволяет установить, что в семантике префикса **ПО-** действительно присутствует значение "однонаправленности".

Для подтверждения сказанного обратимся к глаголам *потопать* и *пошагать*. Глаголы, от которых они произведены — *топать* и *шагать* — сами по себе не являются "однонаправленными", ср.: *"Солдат шагал на месте"*; *"Он топал, отрабатывая шаг на месте"*. Присоединение к этим глаголам **чисто** начинательного префикса **ЗА-** не приводит к возникновению значения "однонаправленности", ср.: *"Солдат зашагал на месте"*; *"Он затопал, отрабатывая шаг на месте"*; присоединение же к ним префикса **ПО-** приводит к возникновению "однонаправленной" семантики, вследствие чего в приведенных выше фразах начинательные глаголы с приставкой **ЗА-** не могут быть заменены на начинательные же глаголы с приставкой **ПО-**; ср. некорректность: *"*Солдат пошагал на месте"*; *"*Он потопал, отрабатывая шаг на месте"* (эти фразы корректны при ограничительном значении глагола, которое мы здесь не рассматриваем).

Серию убедительных примеров, подтверждающих факт наличия семантики "однонаправленности" в значении приставки **ПО-** глаголов движения, приводит И. И. Щеболева. Так, она отмечает корректность сочетаний *зашагать (заковылять, засеменить) из угла в угол, туда и сюда, взад и вперед, вниз и вверх* и т. д. — при некорректности **пошагать (поковылять, посеменить) из угла в угол, туда и сюда, взад и вперед, вниз и вверх* и т. д. Однако, с другой стороны, И. И. Щеболева говорит о некорректности таких сочетаний, представляющихся нам вполне корректными: *пошагать по полю, поковылять по полю, посеменить по полю* [7]. Вероятно, утверждение И. И. Щеболовой о некорректности сочетаний типа *пошагать по полю* и под. вытекает из ее теоретической посылки: приставка **ПО-**, по И. И. Щеболовой, "указывает на направленность начала времени к конечному пределу" [8], что, очевидно, не тождественно "однонаправленности". В то же время сопоставления И. И. Щеболовой, приводившиеся выше (корректность *зашагать из угла в угол* при некорректности **пошагать из угла в угол* и под.) можно рассматривать именно как

аргумент в пользу тезиса о наличии у префикса ПО- семантики "однонаправленности".

Полагаем, что еще одним аргументом в подтверждение "однонаправленной" семантики префикса ПО- может служить факт его исключительной продуктивности при соединении с основами глаголов движения, в результате чего образуется глагол с "однонаправленной" семантикой. Группа русских "однонаправленных" глаголов (*пойти, помячаться* и под.) постоянно пополняется новыми разговорными образованиями. Так, в словаре С. И. Ожегова [9] не фиксируются следующие глаголы, отмечаемые в то же время в МАС [10] и БАС [11]: *покарабкаться, поковылять, посеменить, потрусить*. Кроме того, в разговорной речи встречаются и такие образования, не отмеченные даже в МАС и БАС: *попилить, попылить, почапать, почесать, пошпарить* (например: "Они попилили на работу"). Разговорный характер этих образований, неполная представленность их в словарях указывают на то, что часто они возникают в речи как результат спонтанного языкового творчества говорящих, что свидетельствует о продуктивности данной словообразовательной модели.

Кстати, признание продуктивности этой модели затрудняет "фразеологическую" версию сочетаемости префикса ПО- с "однонаправленными" основами (которая могла бы быть альтернативой версии об "однонаправленной" семантике префикса), так как фразеологизация и продуктивность представляют собой диаметрально противоположные явления. Ю. Д. Апресян говорит: "... фразеологизация, в особенности возникновение идиом, есть частный и крайний случай утраты семантическим образцом его былой продуктивности" [12]. Эта мысль высказана Ю. Д. Апресяном по поводу сочетаемости слов, однако она, как нам кажется, может быть использована и для характеристики сочетаемости морфем в слове. Дело в том, что закон семантического согласования распространяется как на согласование слов в словосочетании и предложении, так и на согласование морфем в слове [13]. В связи с этим, кстати, факт наличия у основы "однонаправленной" семантики не опровергает, а подтверждает факт наличия такой же семантики у префикса ПО-.

Есть, однако, контекст, в котором семантика "однонаправленности" префикса ПО- "зачеркивается". Его можно определить как контекст, выражающий значение обретения субъектом способности к определенному виду движения. Например: *Больной пошел* → *Больной начал ходить* (а не "начал идти"); *Наш ребенок, наконец, поплыл* → *Наш ребенок, наконец, начал плавать* (а не "начал плыть"); *Его дельтоплан наконец-то полетел* → *Его дельтоплан наконец-то начал летать* (а не "начал лететь"); *А мой ребенок уже пополз* → *А мой ребенок уже начал ползать* (а не "начал ползти"); *После такого курса лечения он не толь-*

ко пошел — побежал! → После такого курса лечения он не только начал ходить — начал бегать! (а не "начал идти" и "начал бежать") и т. д. Ср. также следующий пример из устной речи: *"Зимой машины стояли на приколе, но наступила весна, и они опять поехали"* → *Зимой машины стояли на приколе, но наступила весна, и они опять начали ездить* (а не "начали ехать").

Отметим, что с глаголами движения, не охваченными противопоставлением по признаку "одно-/разнонаправленности", в этом случае может быть употреблен только префикс **ЗА-** (а не **ПО-**), например: *"Весной в лесу опять запрыгали лягушки"* (при невозможности **Весной в лесу опять попрыгали лягушки*).

Кроме уже отмеченного значения "однонаправленности", префикс **ПО-** при соединении с моторно-некратными основами может в определенном контексте выражать также и ограничительное значение. На первый взгляд такое утверждение кажется странным, поскольку принято считать, что ограничительное значение свойственно префиксу **ПО-** при соединении с "разнонаправленными" основами и не свойственно — при соединении с основами "однонаправленными" (например, глагол *походить* значит "ходить некоторое время, недолго", тогда как глагол *пойти* не может выражать значение "идти некоторое, время, недолго"). Однако в рамках довольно обширной группы ограничительных глаголов с префиксом **ПО-** существует компактная группа глаголов движения, совмещающих ограничительное значение со значением "однонаправленности". Речь идет об "однонаправленных" *переходных* глаголах: *понести, повести, повезти, покатыть*. Вот примеры их употребления в ограничительном значении: *Дай немного понести чемодан; Дай немного повести машину; Можно минутку повезти коляску?; Можно немного покатыть твою тележку?* и под.

Эта глагольная группа интересна в том отношении, что по своему типу является как бы "переходной" между славянскими и балтийскими языками. Так, если мы обратимся к балтийским "однонаправленным" *непереходным* глаголам с приставкой **РА-** (аналогичной русской **ПО-**), то обнаружим, при формальном сходстве, значительное расхождение в семантике. Например, латышское *raiet* (<ра- + iet) ("идти"), по своей структуре очень похожее на русское *пойти* (<по- + ити) или польское *pojść* (<po- + iść), по семантике не совпадает с ними. Латышское *raiet* переводится на русский язык не начинательным *пойти*, а ограничительным *пройти (немного)* [14]. Литовское *rabėgėti* внешне напоминает русское *побежать* или польское *robieć*, однако по семантике существенно с ними расходится: *rabėgėti* означает "побежать (бежать) (недалеко); сбежать" [15]; русскому же начинательному глаголу *побежать*

соответствует в литовском языке сочетание с фазисным глаголом (*im̃ti bėgti*, букв.: "начать бежать").

С другой стороны, если обратиться к балтийским *переходным* "однонаправленным" глаголам, то можно заметить, что их семантика отчасти совпадает с семантикой их славянских (и, в частности, русских) аналогов. Это совпадение можно продемонстрировать на примере следующих семантических соответствий:

русск. *понести* : *поносить* = латышск. *panest* : *panēsāt* = литовск. *panėšėti* : *panėšioti* = "понести немного, некоторое время" : "поносить";

русск. *повести* : *поводить* = латышск. *pavest* : *pavadāt* = литовск. *pavėsti* : *pavėžioti* = "повести немного" : "поводить";

русск. *повезти* : *повозить* = литовск. *pavėžėti* : *pavėžyti* = "повезти немного" : "повозить".

Что касается высказанной выше оговорки о *частичном* характере такого совпадения, то она означает, что русский переходный "однонаправленный" глагол имеет, наряду с ограничительным (напр., *понести* = "нести немного"), также и начинательное значение (напр., *понести* = "начать нести"), которого соответствующие балтийские глаголы не имеют. В этом как раз и состоит "переходный" характер данной группы глаголов: она как бы служит "мостиком" между таким чисто славянским, отличным от балтийского, явлением, как начинательная семантика префикса **ПО-** "однонаправленных" глаголов, и таким балтийским явлением, как ограничительная семантика префикса **РА-** (в славянских языках — **ПО-**) "однонаправленных" глаголов — явлением, которое славянским языкам свойственно лишь отчасти (ср. невозможность для русского *пойти* выразить семантику "пойти немного").

Заметим, что факту наличия в семантике глаголов типа *понести* ограничительного значения до сих пор уделялось недостаточно внимания. Е. А. Земская даже считает, что ограничительное значение "не свойственно ...определенно-моторным глаголам (им приставка *по-* сообщает начинательное значение)" [16]. Тем не менее словари иногда отмечают у указанных глаголов ограничительную семантику. Например, МАС так определяет значение глагола *понести*: "Провести некоторое время, неся кого-, что-л.". Такое же определение семантике глагола *понести* дает и БАС: "Нести некоторое время. [Мальчишки] *побежали к хромоту человеку. Еще на бегу они кричали* : — *Дядя, где вы их [камбал] поймали?.. Ой, дядя, дайте нам их понести*".

Заключая рассмотрение ограничительных глаголов с префиксом **ПО-**, произведенных от "однонаправленных" основ, приведем пример, который с теоретической точки зрения представляется парадоксальным:

"*Если держать ногу на педали сцепления, автомобиль еще немного поедет и остановится*" (устная речь).

Парадоксальность этого примера состоит в том, что здесь в ограниченном значении употреблен глагол с префиксом **ПО-**, произведенный от "однонаправленного" **непереходного** глагола, что русскому языку несвойственно (в отличие от балтийских: ср. латышск. *raiet* — "пойти немного"). Тем не менее (и это удивительно!) информанты, которым было предложено подтвердить или опровергнуть правильность этого примера, признали его абсолютно правильным.

Тот факт, что информанты единодушно признали правильным пример, невозможный с "теоретической" точки зрения, на самом деле вполне закономерен. Л. В. Щерба, выдвинувший и обосновавший идею о необходимости эксперимента в языкознании, говорит о "бессознательных" правилах, действующих в сфере живого языка [17]. Понятно, что таким правилам во многих случаях невозможно придать какую-то рациональную форму: они не формулируемы, они интуитивны. Вероятно, одна из самых замечательных особенностей живого языка состоит в его **несводимости** к простым и элементарным правилам, в его **невытекаемости** из таких правил. Твердые правила в живом языке можно уподобить "островам в океане": они представляют собой как бы крохотные участки суши, со всех сторон окруженные бескрайним водным пространством. Если, обучая иностранцев русскому языку, мы попытаемся опираться только на твердые правила, мы обречем, конечно, некую твердую почву под ногами, однако при этом вся "подводная жизнь" языка во всем ее красочном многообразии неизбежно окажется вне нашего поля зрения.

Полагаем, метод лингвистического эксперимента, предложенный Л. В. Щербой, является особенно эффективным в преподавании русского языка как иностранного. Это связано с тем, что РКИ всегда было ориентировано в первую очередь на **преподавание русского языка его носителями**. Только при таком преподавании, создающем практически неограниченные возможности для лингвистического экспериментирования, учащийся оказывается погружен в живую языковую стихию; только при таком преподавании он получает возможность изучать **сам язык**, а не **экстракт языка** в виде отдельных текстов и правил (как это происходит при преподавании мертвого языка, а также живого языка, если преподаватель не является его носителем). Такое преподавание является уникальным в том смысле, что для обучаемого здесь фактически стирается грань между обучением и творчеством, поскольку лингвистический эксперимент является одновременно и средством обучения языку, и методом научного исследования языка. При этом результаты экспериментов обучаемого могут оказаться очень ценными не только для него самого, но и для преподавателя, который может извлечь из этих экспериментов важные теоретические выводы. Известно немало

случаев, когда преподавателям-русистам удавалось сделать интересные наблюдения над языком именно благодаря экспериментированию иностранцев. Несомненным достоинством метода лингвистического эксперимента является то, что он формирует у учащегося "активную позицию" по отношению к языку, которая состоит в том, что нельзя безоговорочно верить словарям и грамматикам: все следует проверять *на собственном языковом опыте*. Лишь *собственный языковой опыт* является самым достоверным источником знания о языке, а приобрести такой опыт можно, лишь общаясь с носителями языка. Кстати, категория вида глагола была открыта в русском языке немцами — Й. Фатером [18] и А. Таппе [19]. Очевидно, что если бы они верили словарям и грамматикам больше, чем собственному языковому опыту, сделать это важное открытие было бы невозможно. Если даже в случае с грамматическими категориями (каковой является вид) данные языкового опыта могут столь значительно "отклоняться" от данных словарей и грамматик, то можно себе представить, насколько большим должно быть такое "отклонение" в случаях, когда речь идет о явлениях более частных, чем грамматические категории.

Л и т е р а т у р а

1. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. — Л.: Ленингр. ун-т, 1984. — С. 53.
2. Караванов А. А. Семный состав ингрессивных глаголов и проблема генезиса ингрессивной приставки *по-* // Вестник Московского университета. — Сер. 9: Филология. — 1991. — № 3. — С. 11-18.
3. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1965. — Ч. II. — Издание третье, доп. — С. 361-373.
4. Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. — М.: АН СССР, 1955. — С. 5-41.
5. Демиденко Л. П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // Учен. зап. ин-та / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. — 1963. — Т. 248. — С. 85-103.
6. Щеболева И. И. Принципы словообразовательного синтеза. — Ростов н/Д.: Рост. ун-т, 1980.
7. Щеболева И. И. Указ. соч. — С. 161-162.
8. Щеболева И. И. Указ. соч. — С. 45.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — 23-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1990.
10. Словарь русского языка: В 4-х тт. — М.: Русский язык, 1985. — Т. 3: П-Р. — 1987.
11. Словарь современного русского литературного языка: В 17-и тт. — М.; Л.: АН СССР, 1948. — Т. 10: По — Поясочек. — 1960.
12. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М.: Наука, 1967. — С. 88.
13. Юлдашева Г. Ф. Соотношение морфемной и семантической структур русских слов с приставкой *по-*: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1982. — С. 21.
14. Латвийско-русский словарь. — Рига: Латгосиздат, 1963. — С. 486.
15. Литовско-русский словарь. — Вильнюс: Гос. изд-во полит. и научн. лит-ры, 1956. —

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – 148 с. ISBN 5-89209-585-1

С. 209.

16. *Земская Е. А.* Указ. соч. — С. 26.
17. *Щерба Л. В.* Указ. соч. — С. 368.
18. *Vater J. S.* Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse. – Leipzig: Crusius, 1808.
19. *Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre* für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische nach den Hauptlehre der Grammatik nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands. – S.-Petersburg und Riga, 1810.